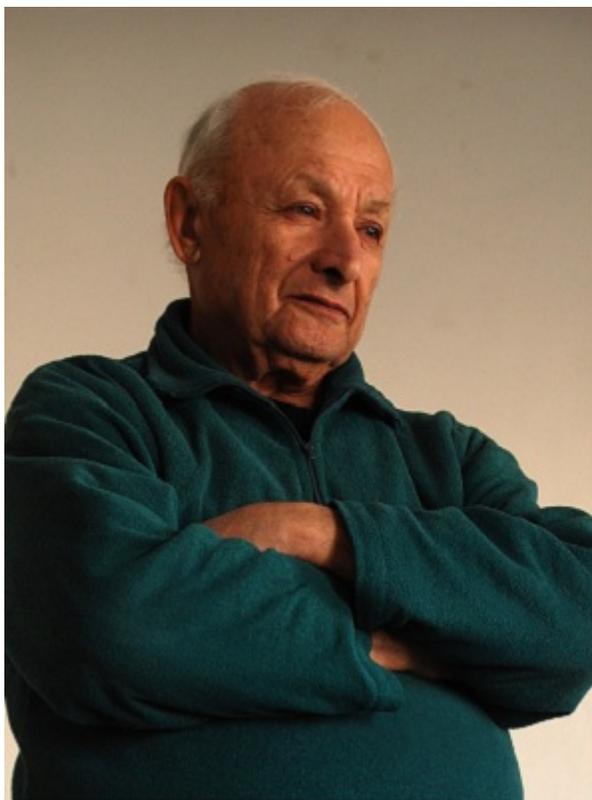


## Как советский милиционер диссидентом и сионистом стал



*Гилель Бутман*

Полвека прошло, а помню, как сейчас... Ленинград, 4 октября 1969 года, вечер Симхат Тора. Небольшой дворик у синагоги на Лермонтовском проспекте, где тусовалась еврейская молодежь, еще не забывшая о своем происхождении.

В середине двора — примечательная группа из пяти человек — три юноши и две девушки, еврейские туристы из Скандинавии. На самом деле, молодые израильтяне, въехавшие в Союз (разорвавший к тому времени отношения с Израилем) по паспортам других стран. Около иностранцев толпились местные евреи, пытаясь как-то общаться по-английски.

Наконец, присутствующих попросили покинуть двор и несколько наших вызвались провести «скандинавов» до «Европейской», где те поселились. Распрощавшись с гостями, до того совершенно не знакомые друг с другом

ребята продолжили разговор. Уже не на английском, разумеется, хотя дело снова уперлось в почти незнакомый язык. Иврит. Здесь впервые прозвучало имя Марка Дымшица — мечтающего попасть в Израиль бывшего летчика, искавшего преподавателя иврита.

Так телефон Дымшица был передан нашему герою — ивритчику Грише Бутману, одному из основателей сионистского движения в СССР. Гриша (Гилель) скончался в этом году в Иерусалиме, и эта статья — дань его памяти.

Уроженец Ленинграда, он окончил Юридический институт в родном городе и стал работать в милиции с проблемными подростками, был следователем уголовного розыска. Дело это молодому милиционеру нравилось, но в конце 1950-х у Гриши появилось новое увлечение. В 1958-м он начинает изучать иврит у Лии Лурье, в память о которой назвал впоследствии свою старшую дочь.

Появляется среди друзей Бутмана и инженер Натан Цирюльников, привозивший из израильского посольства в Москве газеты и книги на иврите. Такого безобразия КГБ долго терпеть не мог, Натан был арестован, провел год в тюрьме, а в 1971-м его семья стала первой, покинувшей Ленинград. По прибытии в Израиль Натан Исаакович Цирюльников был удостоен звания трехмиллионного жителя страны.



*Ленинград, 1960-е*

Впрочем, все это было потом, а в ходе следствия по делу Цирюльниково выяснилось, что у антисоветчика есть единомышленник — капитан советской милиции Бутман. Гришу арестовали, на его рабочем месте провели обыск, потом допросили в следственном отделении КГБ. С работой в милиции, разумеется, пришлось расстаться, теперь Бутман зарабатывал на жизнь ремонтом бытовых электроприборов и поступил в Северо-Западный Политехнический институт (СЗПИ).

Но это фон, а основным полем деятельности Гилеля становится еврейская культурно-просветительская деятельность. Во второй половине 1960-х годов в Ленинграде действуют несколько ульпанов, распространяется подпольная литература, читаются лекции о современном Израиле с демонстрацией слайдов и т.д. И все это организует небольшая группа энтузиастов, в составе которой и деятельный Бутман.

Совершенно естественно, его сокровенным желанием становится репатриация в Израиль. Этого же хочет и Марк Дымшиц. При этом шансы на получение официального разрешения на выезд у экс-милиционера и бывшего

военного летчика нулевые — в 1968-м году из СССР выпустили в Израиль аж 224 человека — в основном, глубоких стариков.

Единственный путь — бегство из Советского Союза. Возникает рабочая версия с похищением самолета, ведь Дымшиц — классный летчик. При этом речь не шла о захвате заложников — *весь* самолет планировалось заполнить евреями, мечтающими вырваться из Советского Союза, а за штурвалом должен был оказаться Дымшиц. Так организаторы хотели обратить внимание Запада на поведение советских властей, лишаящих евреев права свободного выбора страны проживания. Началось обсуждение плана. Мнения разделились, решено было запросить Израиль.

Ответ был отрицательным — Израиль категорически возражал против каких-либо насильственных действий. Тем более, что захват самолетов был «фишкой» палестинских террористов. Совсем недавно, 29 августа 1969 года, два активиста Народного Фронта Освобождения Палестины захватили во время полета из Италии в Израиль самолет авиакомпании TWA. Их целью был тогдашний посол Израиля в Соединенных Штатах Ицхак Рабин, которого, однако, на борту не оказалось. Самолет сел в Дамаске, пассажиров и членов экипажа постепенно освободили, но поднялся международный шум, и Израиль принял самое активное участие в протестах против угона самолетов. В декабре того же года была принята так называемая Токийская Конвенция, направленная на борьбу с воздушным пиратством. На этом фоне Израиль никак не мог одобрить похищение, даже с самыми благородными целями.

Тем не менее, такая попытка все-таки состоялась, хотя Бутман и не принимал в ней участия. Собственно, и попыткой это назвать сложно — похитителей/беглецов пасло КГБ, поэтому их взяли еще на летном поле.



*Гилель Бутман (первый справа) с подельниками перед выездом в Израиль, 1979*

Этот обреченный с самого начала на неудачу побег очень помог КГБ разгромить сионистское движение в СССР. В тот же день по всему Союзу были арестованы 35 еврейских активистов, в том числе и Бутман, отдыхавший на даче с маленькой дочкой. На так называемом Втором Ленинградском процессе, проходившем с 11 по 20 мая 1971 года, он (как инициатор, хотя и не участник похищения), возглавил список обвиняемых и был приговорен к десяти годам лагеря строгого режима. В 1979-м был досрочно освобожден и тут же получил разрешение на выезд в Израиль.

Получившее международный резонанс «Самолетное дело» привело КГБ к выводу, что проще избавиться от антисоветской заразы, пока процесс не пошел дальше. Так стали получать разрешение на выезд люди, еще вчера не мечтавшие об этом. Железный занавес дал трещину, но за это Гилель со товарищи заплатили годами заключения.

Репатриировавшись в Израиль, Бутман вспомнил о полученном когда-то юридическом образовании, освоил израильское законодательство и поступил на работу в Управление государственного контролера Израиля в Иерусалиме, где проработал до выхода на пенсию. Этот мужественный человек скрывал свою тяжелую болезнь даже от друзей и ушел от нас весной этого года в столице еврейского государства, борьбе за возвращение в которое посвятил жизнь. Светлая память...

### **Вениамин Чернухин, специально для «Хадашот»**

#### **Письмо из России**

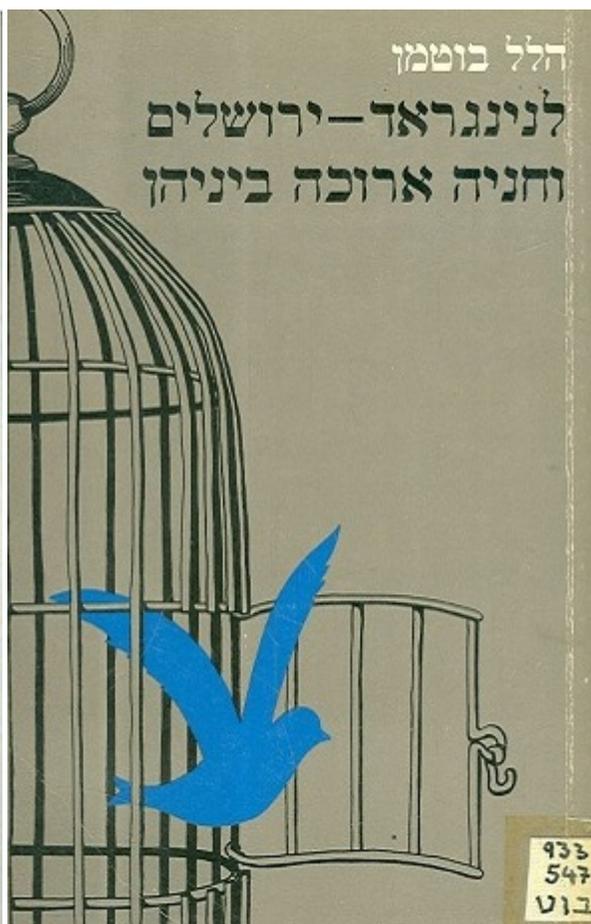
***из книги воспоминаний Семена Глузмана — диссидента, бывшего политзаключенного, солагерника Гилеля Бутмана***

Гилель Бутман как-то узнал, что в лагерной больничке находится на стационарном лечении его подельник — бывший военный пилот Марк Дымшиц. Больничку отделял от жилой зоны ВС 389/35 двухметровый деревянный забор. Трижды в день пожилой зек по фамилии Товкач (бывший нацистский полицай) носил туда пищу из нашей лагерной кухни. Разумеется, мы все понимали, что он давно и твердо стоит на пути исправления. Иными словами, «стучит».

У Гили Бутмана, несколько лет не видевшего своего старого друга, родилась шальная мысль передать через Товкача записку в больницу. Вполне опытный сиделец, Гиля знал о сотрудничестве бывшего полица с администрацией, поэтому решил написать текст на иврите. Рассчитывал, что никто не захочет раскрывать агента, поэтому Товкачу разрешат передать записку адресату.



Постер одной из кампаний по освобождению Бутмана



Книга Бутмана «Ленинград — Иерусалим с долгой пересадкой»

Логика Гили оказалась слишком изысканной. Зэк записку Дымшицу не передал, а через день последнему сообщили о его полном выздоровлении и этапировали в зону ВС 389/36. Мелкий эпизод этот был вскоре нами забыт, Бутман продолжал трудиться в кочегарке. А где-то спустя 5-6 месяцев наступило неожиданное продолжение этой истории...

Гилю Бутмана вызвали в штаб администрации. Войдя в кабинет, он увидел нашего лагерного кагебиста капитана Утыро. Не было привычных неискренних пустых разговоров, капитан был тверд и неулыбчив. Сразу же приступил к главному: «Вот записка, которую вы пытались передать Дымшицу. А вот перевод на русский. Ситуация серьезная. Очень серьезная. Если вы понимаете для себя эту серьезность, то вы сейчас же, здесь, напишите объяснение...»

Прочитав напечатанный на машинке перевод своей записки, Гиля понял, что, действительно, следует объясниться. Достаточно безобидный ивритский

текст после перевода в центре КГБ в Москве выглядел устрашающе. Для него, Гили, устрашающе.

Иврит Гиля знал достаточно сносно. И писал без так называемой огласовки, бегло. А вот переводчик знал иврит хуже и, в результате...

Марка Дымшица близкие друзья фамильярно называли Маркуся, а иногда, для простоты произношения — Маруся. Свою записку на иврите Гиля начинал словами «Привет, Маруся!». Переводчик, владевший ивритом явно неуверенно, перевел это обращение словами «Привет из России!» разделив имя на два отдельных слова — *ма руси* (искаженное *ми Русия* — из России, — прим. ред.).

Дальше — больше. «Конспиратор» Гиля, озабоченный состоянием здоровья друга, предложил ему передать лагерную «валюту» — стереоскопическое изображение моргающей японской красавицы, дабы Марк поменял эту открытку на пищу у кого-то из надзирателей или хорошо обеспеченных продуктами лагерных стукачей. Переводчик, не знакомый с контекстом, перевел просто: «можем передать валюту». Это в советские-то времена, когда граждане в глаза не видели долларов, фунтов и франков с гульденами! А тут, прямо под носом у КГБ в политической зоне — незаконные валютные операции...

Дальнейшие иносказания Гили на лагерные темы также были переведены «в лоб». В результате сложилась весьма живописная картина: заключенные колонии ВС 389/35 легко переписываются с адресатами за рубежом («Привет из России!»), имеют иностранную валюту, знают о содержании свежих радиопередач «Свободы», «Голоса Америки» и т.д., и т.п.



*Демонстрация в Израиле в поддержку участников «Самолетного дела», 1971*

Гиля, иронически отозвавшись о профессионализме толмачей КГБ, по пунктам пояснил несуразность перевода на глазах светлеющему Утыро. Несчастный провинциальный опер, сосланный из теплой и сытой Украины вместе с женой и двумя детьми в уральскую глушь, по-видимому, был готов к худшему. После комментариев Гиля он воспрял духом, получив аргументы в свою защиту. Он мог позвонить своему начальству и аргументировано доказать, что вовсе не он, Утыро, «козел и мудака», а те, неизвестные ему старшие товарищи в Москве. Сменив тон, явно возбужденный капитан прямо сказал Бутману, вежливо называя его Гилелем Израилевичем, а не осужденным Бутманом: «Да, мы знаем, что вы меняете «моргушек» на продукты. Это ничего... Спасибо вам, Гилель Израилевич, вы очень помогли мне!»

И мы понимали его, капитана, эмоции. Из нашей зоны постоянно шел широкий поток информации, западные «голоса» сообщали мельчайшие детали нашей лагерной жизни. Местный умелец, в прошлом квалифицированный радиоинженер, из украденной телефонной мембраны, транзистора из нового фрезерного станка и каких-то проволочек и мелких непонятных мне деталей слепил коротковолновый приемник и каждый день рассказывал в зоне о

новостях из «голосов». В такой ситуации записка Гили не могла не быть оцененной московскими генералами весьма серьезно.

После разговора с Бутманом наш лагерный чекист немедленно ушел быстрым шагом из зоны. Звонить начальству и комментировать козлиную сущность московских товарищей.